

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

ТИБОР

ФИШЕР

КЛАССНО
БЫТЬ БОГОМ

Москва
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф68

Tibor Fischer
GOOD TO BE GOD

Copyright © Tibor Fischer, 2008
This edition is published by arrangement
with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Татьяны Покидаевой*

Оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Фишер, Тибор.

Ф68 Классно быть богом / Тибор Фишер ; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд).

ISBN 978-5-04-100020-2

Майами — город, где есть деньги, дорогие отели, а адреналин зашкаливает.

Единственное, чего не хватает, — это бога. Им-то и решает стать талантливый продавец и профессиональный неудачник Тиндейл Корбетт. Роль пастора слишком незначительна для него, поэтому он замахивается куда выше. Ведь кто может быть успешнее и важнее бога?

«Классно быть богом» — уморительная комедия с солнечной погодой, лихими героями и черным юмором, любуемся через край.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100020-2

© Покидаева Т., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Луизе

Ты знаешь, когда все плохо. Все плохо это когда ты звонишь знакомым, и никто тебе не перезванивает. Все плохо, когда ты приходишь домой и видишь, что воры выбили дверь в квартиру, украли только замок (единственную более-менее ценную вещь во всем доме) и оставили тебе записку, в которой советуют «взять себя в руки и уже что-то делать».

Это совсем не смешно, когда происходит с тобой.

Я долго пытался жить честно, как порядочный человек. Я действительно очень старался. Но все без толку..

* * *

— Ну, рассказывай, — говорит Нельсон. Мы с ним не виделись несколько лет. Он ждал меня в китайском ресторане, терпеливо листая меню. Старых школьных друзей мы всегда представляем себе такими, какими они были раньше, и меня удивило, что Нельсон не просто не опоздал, а пришел раньше. Для него это было противоестественно.

Нельсон был школьным другом, который нравился моим родителям. Уже тогда, в нежном возрасте, он мастерски манипулировал людьми, и мои предки могли быть спокойны за будущее страны, когда Нельсон, всегда аккуратно причесанный и умытый, здоровался с ними подчеркнуто вежливо. В отличие от остальных моих школьных друзей, которые только мычали себе под нос что-то нечленораздельное. Моя мама всегда была рада Нельсону, и я, в общем-то, тоже был рад, но значительно реже.

Лишь однажды у мамы возникли какие-то подозрения. Как-то вечером, когда Нельсон заехал за мной и я уже собирался выходить, она удивленно спросила: «А ему еще не рановато водить машину?» Наверное, потому что у Нельсона тогда не могло быть водительских прав. Чтобы их получить, ему надо было быть на два года старше, но, поскольку это была угнанная машина, вопрос наличия прав не имел первостепенного значения.

Мы с Нельсоном и Биззи катались по Южному Лондону. Когда тебе только исполнилось пятнадцать и ты пересекаешь по городу в угнанной тачке — такого пронзительного удовольствия от поездок на автомобиле ты не получишь уже никогда в жизни. Мы останавливались у какого-нибудь ресторана и заказывали дорогую еду (креветочный коктейль, бифштекс, шоколадный торт с вишней), за которую Нельсон расплачивался одной из украденных кредиток. Подобным образом мы развлекались достаточно часто и только однажды нарвались на неприятности, да и то не с полицией и не с проницательными официантами, заподозрившими неладное. Нельсон — обычно внимательный и аккуратный водитель — случайно подрезал микроавтобус, набитый какими-то бешеными бугаями, в два раза нас старше, в два раза мощнее и имевшими численное преимущество в те же два раза. Они гонялись за нами почти целый час, и я в первый раз в жизни увидел, как Нельсон испугался. Первый — он же последний.

— Как жизнь? — интересуется Нельсон. Нормальный, вполне ожидаемый вопрос.

Но сейчас у меня в жизни такой период, когда подобных вопросов хочется по возможности избежать.

— Хорошо, — отвечаю. Мы оба знаем, что это неправда.

В каждой школе есть свой Нельсон: гадкий мальчишка, который звонит в школьный секретариат и сообщает о бомбе, подложенной в здание; который ворует из сумок учителей конверты с экзаменационными билетами; который ездит на каникулы во всякие экзотические страны,

причем дорогу туда ему оплачивают какие-то совершенно незнакомые люди, а дорогу обратно — иностранное правительство согласно установленным правилам депортации нежелательных элементов. В возрасте от двенадцати до восемнадцати лет Нельсон имел все шансы надолго засесть за решетку. Я так думаю, не проходило и дня, чтобы он не совершал хоть какого-нибудь уголовно наказуемого деяния. И тем не менее он ни разу не загремел в полицейский участок — у нас в Англии. Нам всем казалось, что он был рожден либо для виселицы, либо для славы самого знаменитого мошенника всех времен и народов. И что стало с Нельсоном в итоге? В итоге жизнь выбила из него всю дурь.

Женатый, отец двоих детей, Нельсон работает торговым представителем какой-то компании, производящей наручники. Вообще-то компания производит и другие товары, но наручники — ее главная специализация. Нельсон рассказывает мне парочку пикантных историй о своих заморских клиентах, которые, к примеру, требуют, чтобы компания вернула им деньги, если кровь засыхает в замке наручников и их потом невозможно снять с тел.

Мы с ним родились в один день, а это значит, что он как бы мое отражение, но в кривом зеркале. Мы вспоминаем ту ночь, когда нас едва не прибили. Вспоминаем все наши самые отчаянные проделки. Посмеяться над ними как следует можно, только когда мы вместе. Для этого мы и нужны друг другу. Мы видимся с кем-нибудь из школьных приятелей? Нет, не видимся. Уже много лет. Но даже если бы и виделись, ничего интересного они бы нам не рассказали. Когда тебе сорок, жизнь небогата событиями.

Не то чтобы я сильно нуждаюсь в напоминании, но когда я смотрю на Нельсона, то лишний раз убеждаюсь, насколько суров и тяжел этот подзатянувшийся марафон. Причем Нельсон — он не debil и не лентяй.

— За последние четыре года я даже рубашки себе не купил, — сетует он.

Его дочь хочет стать врачом, и он копит деньги ей на обучение. Мы оба высказываемся в том смысле, что цены сейчас — это ужас, а не цены. И особенно на еду. Он с трудом может позволить себе скромный ужин в дешевом китайском ресторане, а для меня это вообще недоступная роскошь. Это и есть средний возраст мужчины: меньше волос, больше скарденности.

— Почему во всех китайских ресторанах такой дрянной кофе? — риторически вопрошает Нельсон, тыкая ложечкой в бурую жидкость у себя в чашке. — Я в парикмахерской не был сто лет. Меня жена стрижет. — Он изображает пальцами движения ножниц. Может, старение — это обратный процесс? По-настоящему ты живешь лишь в промежутке от двадцати до тридцатника: что-то делаешь, как-то крутишься, пытаешься чего-то добиться. А потом на тебя вдруг начинает валиться все разом, и этот завал уже не разгрести, и ты вновь возвращаешься в детство — только в усталом, выдохшемся варианте, — когда нельзя делать, что хочется, и кто-то, кто даже не знает, как это делается, стрижет тебе волосы.

Но, как бы там ни было, я в этой гонке иду последним. Да, Нельсон платит огромный процент по закладной, но у него есть закладная. У него паршивая работа, но она все-таки есть. Пенсионное обеспечение в перспективе. Двое детей. У всех наших знакомых, даже у самых тупых и во всех отношениях неприятных, есть хоть что-то.

— Давай я сам расплачусь за ужин, — предлагает Нельсон, и я даже и не пытаюсь выступить с притворными возражениями. На всякий случай. А то вдруг он передумает.

— Ну, а с бабами у тебя как? — интересуется Нельсон.

— Да никак.

Нельсон ждет, что я как-то конкретизирую свой ответ, но я молчу.

— М-да, брат, что-то тебе не везет...

Если ты сам утверждаешь, что ты невезучий, это может быть правдой, а может быть и неправдой. В Палате

мер и весов нет эталона для измерения степени человеческого везения, и, как правило, размышления о собственной невезучести — это не более чем проявление жалости к себе. Но когда друзья начинают высказываться в том смысле, что тебе наглухо не везет, это уже серьезный повод для беспокойства.

Мы сидим и молчим. Ждем, когда официант вернет Нельсону карточку.

— На той неделе лечу в Майами, — вздыхает Нельсон.

— А чего так грустно?

— Если бы я летел в отпуск, все было бы весело. Но я-то еду работать. Вот представь: утром садишься в машину и мчишься в аэропорт, причем вся дорога — сплошной психоз, потому что у нас вообще не умеют ездить. То есть ты еще даже не сел в самолет, а уже весь на нервах. Потом целый день в самолете, потом четверо суток в гостиничном номере с перерывами на раздачу наших визиток потенциальным клиентам... кстати, сотрудникам правоохранительных органов, которые на этих своих конференциях отрываются по полной программе, если знают, что это им сойдет с рук... и которые, в общем-то, сами знают, где найти нашу продукцию, если она им понадобится. Пить мне нельзя, у меня печень. В общем, четыре дня дохнешь от скуки, потом — еще день в самолете, причем рейс, как обычно, задержат... потом прилетаешь, совершенно разбитый садишься за руль, едешь домой, по дороге опять психуешь, потом приезжаешь домой, и жена прямо с порога начинает сверлить тебе мозг, потому что ты был в Майами, а она не была.

В обеденный зал входит тощий китаец с огромной сумкой через плечо. Вынимает из сумки пачку пиратских DVD, предлагает их посетителям ресторана. Дядька вообще не говорит по-английски. У меня такое впечатление, что он даже не понимает, где находится.

— Я бы с радостью съездил вместо тебя.

Это я так шучу. Нельсон внимательно глядит на меня.

— А почему нет? — Он предельно серьезен. — Слушай, а правда, ездай. Будешь мной.

— Как я могу быть тобой? И потом, у меня паспорта нет. Я его потерял.

— Ты все-таки подумай, — продолжает Нельсон. — Знаешь, чего я хочу? Я хочу выспаться. По-настоящему. Так, чтобы спать до обеда. Потом, может быть, выйти проветриться, сыграть партию в гольф. Хотя бы недельку! Я даже думал сказаться больным, чтобы не ехать в Майами. А тут такой случай... Действительно, поезжай вместо меня! Поживешь в хорошем отеле, раздашь с десятков визиток, оторвешься по полной программе.

— А как же паспорт?

— Возьми мой.

— Мы с тобой не похожи, — говорю я, а потом смотрю на Нельсона и понимаю, что хотя мы с ним, конечно, не близнецы-братья, но мы оба побриты налысо и у нас у обоих совершенно невзрачные унылые лица, слегка заплывшие жирком... и потом, кто вообще смотрит на фотографии в паспортах?!

Чем больше мы обсуждали эту бредовую идею, тем менее бредовой она нам казалась. Нельсон дает мне свой паспорт и кредитку, а я еду в Майами и создаю видимость, что я — это он.

— А что это будет: ката, шест или отсос? — уточняю я.

— Только ката. У нас все строго: без шеста и отсоса.

В жизни всякого торгового агента, независимо от того, какую компанию он представляет и что именно продает, неизбежно случаются две вещи. Первое: тебя посылают на торговую ярмарку в каком-нибудь жутком немецком захолустье, в крошечном городишке с непроизносимым названием. И второе: тебе приходится усиленно угощать выпивкой тех, кто не прочь угоститься. Это самый начальный уровень. А дальше все будет зависеть от политики компании. Можно ограничиться раздачей каталогов («чуток подКАТАть клиентуру»), а можно водить перспективных

клиентов по стриптиз-клубам («наблюдать за повадками пташек»), а в правильном городе — и по борделям (процедура «прочистки труб»). Торговля, как сие ни печально — бизнес незамысловатый и неизощренный. Как-то раз моя бывшая компания наняла струнный квартет, чтобы он играл у них в павильоне на выставке-ярмарке. Больше они так не делали.

Мы с Нельсоном еще долго стоим снаружи, никак не можем расстаться. Обозреваем мрачную унылую улицу, в конце которой топчутся шестеро подростков в балахонах с поднятыми капюшонами. Молодежь направляется было к нам, но потом резко сворачивает в прямо противоположную сторону. Это действительно бодрит, когда ты выходишь на улицу в компании старого друга, на которого можно рассчитывать, если что. Нельсон сам никогда не дрался, но и не избегал драки. В совершенстве владея приемом изнурения противника за его собственный счет, Нельсон просто подставлял себя под удары, пока нападавший не утомлялся его дубасить. И хотя его вечно лупили, он ни разу не бросил меня, не сбежал. Ему самому это не нравилось, но он не бросил меня. Ни разу.

— Ну, ладно, давай. Береги себя, — говорит мне Нельсон на прощание. — Кстати, имей в виду, комиссионное вознаграждение ты не получишь.

Я возвращаюсь к себе. Мое обиталище угнетает меня даже в лучшие времена, потому что паршивая съемная комната в совершенно паршивом районе просто по определению не может вызвать у человека никаких позитивных эмоций. И потом, человека всегда угнетает, когда он приходит в пустой неуютный дом. Мне не хочется сюда возвращаться. И никому не хотелось бы. Никому.

Как всегда, у подъезда сидит пожилой краснорожий алкаш, сжимая в руке банку с пойлом. Меня всегда поражает, что он еще жив. С таким багровым лицом люди уже не живут. Разница между нами невелика (и сокращается с каждым днем). Но что меня бесит больше всего — у него

как-то так получается растянуть деньги, чтобы их хватало на выпивку на всю неделю (а я до сих пор не изжил в себе слабость к еде). Плюс к тому он доволен и счастлив и не парится по пустякам. В отличие от всех остальных алкашей, нарков и нищих бомжей — шумных, докучливых и приставучих, — которыми буквально кишит наш веселый район, этот старый синяк просто тихо сидит с безмятежной улыбкой и наслаждается жизнью. Это, знаете ли, раздражает. Да, я выгляжу лучше, и одеваюсь чуть-чуть поприличнее, и мне есть чем заняться в течение дня, но что касается всего остального... в общем, похоже, все идет к тому, что я стану его потенциальным преемником, поскольку в данный момент шансов найти хоть какую-то работу у меня явно не больше, чем у Его Краснорожего Преосвященства. Нет ничего более разрушительного для личности, чем затянувшийся период без работы при отсутствии всяческих перспектив.

Я чуть было не отказался от мысли позвонить Нельсону, потому что, когда все плохо, по-настоящему плохо, как-то не хочется притворяться, что все еще можно исправить. Потому что ты все равно ничего не исправишь. Если тебе ничего не нужно, кроме водонепроницаемого отсека, ты бы еще смог кое-как удержаться на плаву. Но тут возникают вопросы о деньгах, женитьбе, работе, здоровье и собственном доме...

Я не страдаю завышенным самомнением: понимаю, что не блещу интеллектом. Не знаю ни одного иностранного языка, не помню дат великих исторических сражений. Моих познаний в технике хватает только на то, чтобы самостоятельно сменить масло в автомобиле. Я не пою. Не танцую. Откровенно паршиво играю в гольф, но... но я всегда был уверен, что во мне есть какая-то искра, какой-то скрытый талант, пусть даже совсем-совсем скромный. Но, опять же, тогда возникает вопрос. Всякий раз, когда ты возвращаешься в свою паршивую комнату, к своей пропитанной потом постели, у тебя возникает вопрос: если ты

такой умный, чего же ты такой бедный? И что ты забыл в этой вонючей дыре?

На самом деле у меня просто не было выбора, кроме как принять предложение Нельсона. Потому что мне нужно хоть что-то делать. Если бы он предложил мне в течение недели по три раза в день чистить его унитаз, я бы с радостью согласился. Делать хоть что-то — это все-таки лучше, чем не делать вообще ничего. Нельсон, может быть, спас мне жизнь.

* * *

Лампочки — это в общественных туалетах. Так мне сказали в мой первый день на работе. Лампы накаливания. Осветительные приборы. Но только не «лампочки». Во всем остальном работа агента по сбыту в компании, торгующей источниками искусственного освещения, напоминает спринтерский забег, когда сотая доля секунды решает судьбу золотой медали: если ты разбираешься в предмете хоть чуточку лучше, чем твой покупатель, считай, что контракт у тебя в кармане.

Я хорошо делал свою работу. Не блестяще. Не так что-бы великолепно. Но очень неплохо. В детстве и юности я, разумеется, не мечтал стать агентом по сбыту в компании, торгующей осветительным оборудованием, но за пятнадцать лет непрерывных хождений по фабрикам, офисам, магазинам и общеобразовательным школам, где мне приходилось карабкаться на стремянки и производить измерения, я понял, что мне подходит эта работа. А потом наша компания резко пошла в гору, и начальство решило, что им нужен еще один агент по сбыту. Проводить собеседование с соискателями поручили мне.

Некоторые из них явно наслаждались самим процессом. Они с упоением унижались и выворачивались наизнанку, лишь бы их взяли в компанию. Но меня это не возбуждало. Мне не нравилось проводить собеседование с этими, по большей части, приятными людьми, которые так отчаян-